

Поп и Николай чудотворец

Жил-был поп. У попа были жона да дочь. Нанел он робочего. Этот робочей с поповой доцькой и сжились. Девушка роботника сметанкой покармливат. Попадья дозналась, а куда деватця, не знат; попу и говорит:

— Што же, бачко, нам нечем вымазатця, сметана теряйтця.

— Попадья, накопи ведёрко, я в церковь снесу, Миколы на сохраненье положу, вот там не хто не съест.

Накопила ведёрко, поп снёс в церковь, поставил перед икону, Миколу-светителя. Этот роботник и говорит:

— Ах, любушка, как же ты не стала меня кормить сметаной?

— Откуль я возьму? Папаша сметану в церковь снесли, перед икону светителя поставили.

— А дай мне хлеб, да дай ключи, я пойду наемся. Дала ему хлеб, дала ключи, пошел в церков, сметаны наелся, взял у иконы усы вымазал, на бороду накапал, на грудь накапал, замкнул и ушел.

Пришел праздник, поп пошел в церков. Заходит, на икону взглянул — икона в сметаны, а ведро пусто.

— А! Вот, на того да на другого грешим, а эво хто сметану-то ес.

Взял икону, на пол бросил, икона раскололась. Схватил ведро, побежал домой.

— Попадья! Я Миколу светителя расколол — сметану ес, я застал, он только рот запереть поспел, обратця не мог, всё в сметаны.

Попадья и говорит:

— Поп, ты ведь неладно сделал, ты икону расколол, тебя ростригут.

— Попадья, испеки мне подорожников, я лучше сбежю. Попадья испекла подорожники и две прбсвиры, поп и пошел.

Идет по дороге, сошелса с им белой старицёк.

— Куды, поп, пошол?

— А пошол я... вот эдак-эдак сделал, — рассказал всё подробно.

— Ну пойдём местях.

Пошли местях, шли по дороге долго́нько, доту́ль шли, захотели ись. Сели закусывать. Закусили, захотели пить. Старицёк говорит:

— Поп, иди жо за водой, пить захотелось.

— Что ты, старицёк, подобает разе попа нарезать? Поп может наредить тебя, а не ты попа.

Старик и пошол по воду. Поп усмотрел у старика в мешке три прѣсвиры.

— Как так? Я поп, да у меня две, а у него три.

Одну и съел. Принёс старик воду, сели ись, а прѣсвиры нету.

— Ты, поп, у меня прѣсвиру не брал?

— А много-ле у тебя было?

— Три, а нынче две.

— То я тебе не верю: я и поп, да у меня две, а у тебя было три?!

Пошли вперёд. Пришли до озера, а времё — ночь, темно; за озером огонь видно. Старик и говорит:

— Поп, што этта заделама?

— Оботти кругом надо.

— Куды-жо пойдём, озеро большѣ.

Старик пошол по воды, поп за ним. Шли, шли, старик вышол на бережок, а поп по середке, в рот вода заливатця. Старик и говорит:

— Поп, бывает и утонешь, покайся: прѣсвиру не ты-ле съел? Поп думал, думал — стыдно.

— Нет, прѣсвиру я не ел, хоть утону, да не ел.

Поп пошел и помельче стало. Вышел из озера, пошли в дом, где огóницёк был, зашли на крыльцо, двери залóжены. Колотитця стали, вышел хозяин.

— Нельзя запустить, у нас брат лежит третей год во гнóбище.

— Запустите, человека видите, за человеком не видите: мы, можот, и полечить можом, — говорит старик.

Запустили в избу. Взял старик, посмотрел, по спя́йм вы́резал (больного).

— Несите из озера воды.

Принесли воды, куски все в воды перемыл, склал на полотенчо, из кормана бутылоцьку вынел; раз брызну́л, — челой стал; другой раз брызну́л — здрогну́л, третей раз брызнул — стал.

— Ах, как плотно спал, стал, слава Богу, не цё не болит. С этой радости — брат здоровый стал — дали им денег много. Тим же манером они в трёх местах были и трёх человек вылечили, и денег им много надавали.

После того поп один пошел, нашол посудинку таку, как у старика и почерпнул воды́чки. Шол поп и увидел огоницёк горит, постучался.

— У нас брат лежит трéтей год во гноище.

— Вы человека видите, а за человеком не видите, можот, я вашего брата и вылечу, — говорит поп.

Запустили. Как старик делал, так и поп. Стал мужика резать, мужик ревет:

— Ой, ой, ой, караву́л, зарежот! Што вы дали меня резать-то?

— Ты пошто ино так-то? Зарежошь ведь брата-то?

— Молците, я ведь не первого лецю.

Стих и реветь перестал. Вырезал по спя́йм, куски вымыл, расклал на полотёнышко спай к спаю, как следует быть, из кормана бутылку вынел, раз брызну́л — ницего; другой брызну́л — нет ницего; третей брызну́л — как было, так и есть. Всю бытылку вылил.

— Што хотитé надо мной делайте, больше не цё не могу пособить.

Братья говорят:

— Што станем теперь делать над тобой?

Затопили печьку, изба была цёрная, попа в дым на потолок за ноги и повесили. Попу худо стало. Вдруг здучйтця у дверей. Отворили, пришол старик.

— У нас неладно, поп брата зарезал.

Старик и говорит:

— Поп, можот, и умрешь, покайся: ты третью прбсвиру съел?

— Нет не я, хоть в дыму задохнусь, не я. Старик велел попа спустить.

— Я дело поправлю.

Сделал старик так, как и с первым, мужик ожил. Вышли из избушки, пошли по дороге, пришлось вперёд дороги. Старик и говорит:

— Поп, разве о себе пойдём ноньце?

Поп себе думает: «Один бы ходил, эти деньги все бы мне». Старик розделил деньги на три кучи, поп стоит и думат:

— Кому жо он третью куцю делит? Неужли себе две, а мне одну? Ах, спросить бы.

Да и стыдно. Насмелился:

— Старик, кому третью куцю делишь?

Старик и говорит:

— А тому, кто третью просвиру съел.

— Старик, я ведь съел.

— Ну, на возьми, коли ты съел. Да вот што, поп: иди домой, икона-то цела, не ростригут тебя, только не говори наперво, што я сметану съел; сметану съел работник, а ты работника-то не наказывай, а жени его на дочери, дочь-то с брюхом от него.

(Шишолов Василий Дорофеевич)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.